

С. В. Яров

**ДОКУМЕНТЫ О ПАРТИЙНЫХ «ЧИСТКАХ»
В 1920–30-х гг. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
УРОВНЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КОММУНИСТОВ
В ЭПОХУ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»
(по материалам ГАНО)**

Документы о партийных чистках 1920–1930-х гг. разнообразны. Это и статистические сводки, и докладные записки партийных структур разных уровней, и жалобы и апелляции коммунистов, и протоколы контрольных и «проверочных» комиссий, выносивших вердикт о возможности пребывания в рядах ВКП(б). Большинство этих документов имеет вторичный характер, о взглядах коммунистов мы обычно получаем сведения из чужих рук. Этого нельзя, правда, сказать о письменных обращениях членов партии в различные инстанции, поскольку создавались они в соответствии с традиционными сценариями апологий и содержали набор определенных приемов, призванных оправдать обвиняемого в нарушениях партэтики. Трудно, к тому же, установить, насколько самостоятельно они были написаны и не пользовались ли их авторы услугами грамотных людей.

Более интересным и адекватно отражающим настроение членов ВКП(б) документом является запись ответов коммунистов на вопросы участников партийных собраний, посвященных «чисткам» в низовых парторганизациях. Эти вопросы во многом являлись неожиданными и у коммунистов, как правило, не было времени для обдумывания ответов на них, некому было и сразу подсказать им умелый тактический ход. Такие ответы поэтому ярче, чем что-либо иное, способны дать представление о реальном облике коммуниста и снять наслоения с нарисованного им автопортрета, имеющего оттенок благообразности. Кажущаяся прямота ответа здесь, однако, не должна вводить в заблуждение: и в такой ситуации запутавшийся человек мог сказать не то, что думал.

Мы приведем здесь несколько примеров этих спонтанных ответов на партийных собраниях в 1929 г. – не для того, конечно, чтобы попытаться за оговорками увидеть нечто, тщательно скрываемое коммунистами, а как образчик той растерянности, которая возникает именно тогда, когда кого-то застают врасплох. Так, И. А. Баженов на вопрос «А вот часто ездешь, сколько жен имеешь?» отметил: «Пока одну в Новгоро-

де»,¹ а А. В. Соловьев откликнулся на слова «Как с религиозностью?» репликой: «Ни во что не верю...».² Способы выражать себя для людей, имеющих невысокий уровень культуры, вообще упрощены, а если им еще задают и непредвиденный вопрос, порой начинается и ломка синтаксиса, нарушение логики ответа: буквальное прочтение текста здесь почти всегда невозможно.

Нами изучены протоколы открытых собраний по «чистке» членов партийной организации Боровичевского городского и районного управления милиции, проведенных в сентябре 1933 г. Собственно, вопросы к «экзаменуемым» можно разделить на несколько блоков. Первый из них касается знания коммунистами программы и устава партии, главных положений коммунистической теории, важнейших политических событий в стране и за рубежом. В основном вопросы, заданные на собраниях во время «чисток», затрагивают только эти сюжеты. Другой блок вопросов посвящен выполнению коммунистами своих обязанностей, их поведению в быту, отношениям с семьей. В целом таких вопросов немного. Возможно, они и возникли именно потому, что сугубые «огрехи» морали и быта членов ВКП(б) – например, хроническое пьянство, попытки суицида, сон во время несения службы, незаконное использование служебного положения, зазнайство – приобретали особый резонанс и их было невозможно скрыть.

И все-таки более значимыми для участников собраний, посвященных «чисткам», представлялись те вопросы, которые позволяли оценить уровень политического образования коммунистов. Едва ли они стремились дотошными вопросами обнаружить под личиной партийца «примазавшегося» (согласно терминологии тех лет) и тем более замаскировавшегося врага. Усердие, проявленное ими, определялось прежде всего традицией таких проверок. Они постоянно проводились с начала 1920-х гг., обычно по одному сценарию, хотя и в разных формах. Это примечательное явление. Вряд ли целью инициаторов «чисток» было столь уж скрупулезное изучение политической грамотности членов ВКП(б). Куда более важным считалось отношение к партийным, трудовым и общественным обязанностям. В коммунистических же низах «чистку» воспринимали нередко как своеобразный пересказ выученного урока. Так было легче и интереснее, чем разбираться в деталях чужого быта, которые многим были неизвестны и вызвали бы затруднения при формулировке вопроса. Придиричивое расспрашивание о подробностях личной жизни, хотя и допускалось, наталкивалось на непреодоленные этические табу, причем знали, что в таком случае в роли отвечающего мог оказаться любой из участников собрания. Нетрудно было увидеть во всем этом и оскорбительный смысл, а едва ли создание склок в партийке было той задачей, которую ставили перед собой организаторы кампании.

Знакомясь с протоколами открытых партийных собраний, посвященных «чисткам», и отмечая заданные коммунистам вопросы, под-

¹ Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 4 об.

² Там же. Л. 5, 5 об.

черкнем следующее обстоятельство. Перед нами – очень краткие, нередко однозначные ответы, которые едва ли могли отражать всю сумму политических знаний членов ВКП(б). Трудно определить, в какой мере упростил ответы последних протоколист. Нельзя, однако, не обратить внимание на специфику передачи им чужой речи. Во-первых, она заметно индивидуализирована, если сравнивать записи ответов различных людей, зафиксированных в одном протоколе. У каждого из них ощущается особый синтаксис и специфическая лексика, включавшая политический жаргон тех лет, хотя и с разной степенью органичности вкрапленных идеологических клише. Во-вторых, видна законченность ответов без каких-либо их существенных обрывов и фрагментаций. К ним было трудно что-то добавить, поскольку они обычно полностью исчерпывали суть заданного вопроса. Подчеркнем также и другое обстоятельство. Протокол являлся тем документом, на основании которого принимали решение о продолжении членства в партии и, в силу этого, он должен был максимально точно воспроизводить ответы, чтобы исключить возможность последующих апелляций и обвинений в предвзятости.

Читая протоколы собраний, сразу замечаем, что наиболее точными являются ответы на вопросы, касающиеся «текущего момента» и современного политического положения, причем легче всего даются коммунистами односложные ответы – да, нет, – не требовавшие развернутого обоснования. Исторические и теоретические экскурсы оказываются куда более сложными для отвечающих. Так, М. Г. Давыдов, правильно ответив на вопросы о том, где проходила конференция по разоружению и входит ли СССР в Лигу наций, не смог рассказать о том, с какой целью создана последняя.³ Возникает ощущение, что, говоря о «текущем моменте», коммунисты словно идут на ощупь, опасаясь чрезмерно углубиться в детали того или иного события, – верный признак того, что многое в политике ими уловлено поверхностно, посредством ключевых идеологических формул, дальше которых они не идут.

Самыми примечательными можно считать их ответы об основных положениях коммунистической теории. Прямо скажем, они нередко сумбурны. Из системы коммунистических постулатов обычно выхвачен и огрубленно представлен лишь один тезис, правда, отметим это особо, прежде высказанный иногда в афористической форме. Так, В. И. Шидловская на вопрос: «Что Ленин сказал о женщинах?» ответила: «Освободить от кухни».⁴ Но показательнее даже не это, а то, что в ряде случаев подвергаемые проверке коммунисты не замечали логических неувязок и противоречий в череде следующих друг за другом ответов. Нет системности взгляда: каждый из элементов социалистической практики предстает перед ними в обособленном виде. Вот, например, запись ответов М. Г. Давыдова на вопросы о сущности социализма:

«Вопрос: При социализме будет частная собственность?»

Ответ: Да, будет.

Вопрос: Что такое социализм?

³ Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 29. Оп. 1 Д. 528. Л. 3 об.

⁴ Там же. Л. 17 об.

Ответ: Это бесклассовое общество.

Вопрос: Будет классовая борьба при социализме?

Ответ: Будет».⁵

Пожалуй, путаница в вопросе о собственности здесь еще оправдана для того, кто не очень понимает, почему собственность, принадлежащая частному лицу, называется то личной, то частной. Ответ он черпает из двух источников: 1) программно-теоретических занятий и 2) агитационно-публицистической практики, через митинги, собрания, радио, листовки, прессу. Воздействие последних оказывается сильнее, чем воздействие занятий теорией в политкружке. Едва он слышит о классовой борьбе, он сразу воспринимает ее именно в обусловленном «текущим моментом» упрощенно-лозунговым варианте, а не так, как она оценивается в различных «азбуках коммунизма». Отсюда противоречия. Социализм, согласно марксистско-ленинской теории, должен изживать классовое общество. Отвечающий несколько примитивизировал это положение, но в целом передал его правильно, если учесть, что «красными профессорами» еще к тому времени не была отчетливо проведена грань между социализмом и коммунизмом и они нередко воспринимались как синонимичные понятия. Все это так, но утверждать, что при социализме не будет классовой борьбы – значит лить воду на мельницу бухаринцев и прочих «правых уклонистов», утверждавших о мирном вращении кулака, и «замазывать» (как говорили в то время) борьбу с остатками нэпманской буржуазии. Вследствие этого и оказывается, что в бесклассовом обществе будет классовая борьба. Каждый ответ сам по себе логичен, а в совокупности они выглядят нелепо – и для оценки уровня политической грамотности коммуниста как раз и важно то, что он не чувствует этой нелепицы.

В каждом ответе имеется не только то, что получено зубрежкой во время занятий в кружке, но и некая «игра в отгадки» – предположение о том, как могло что-то происходить в действительности, исходя из общих и нередко примитивных представлений о характере и природе различных политических движений и партийных режимов. Особенно здесь характерны ответы на вопросы о сущности фашизма, ставшие весьма актуальными в 1933 г., в связи с приходом нацистов к власти в Германии. Обратим внимание на ответы Миронова:

«13. Где есть фашисты?

– В Германии

14. Что они делают?

– Угнетают рабочий класс.

15. Как работает там коммунистическая партия?

– Работает подпольно».⁶

О фашизме в 1933 г. и пресса, и агитаторы высказывались не столь односложно. Отмечался и поджог рейхстага, и арест Г. Димитрова, и подавление профсоюзов, и выход из Лиги наций, и запрет политических партий, и многое другое. Ничего этого в ответе Миронова нет – есть

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 5.

лишь единственная реплика, подчеркивающая обязательный атрибут любого классового врага, будь то фашист или социал-демократ, интервент или белогвардеец, Гитлер или Носке, Клемансо или Ллойд-Джордж: «угнетают рабочих». Это то, что осталось, и осталось надолго – все прочие детали и этапы событий, сиюминутные тактические комбинации, протесты, манифестации, митинги этот коммунист не замечает.

Другому из проверяемых, М. Г. Давыдову, был задан вопрос: «Есть ли разница между фашизмом и социал-демократией?»⁷ Вопрос оказался для него трудным, поскольку требовал знания деталей программ обоих политических течений, о чем он, видимо, был мало осведомлен. Он идет по более простому пути: «Фашизм всецело поддерживает буржуазию и социал-демократию тоже».⁸ Вот как конструируется ответ: фашизм привела к власти буржуазия (это стало почти аксиомой и было усвоено накрепко), социал-демократия отстаивает интересы буржуазии (об этом в многочисленных советских «агитках» говорилось еще задолго до появления фашизма), значит, эти движения связаны узами сотрудничества. Перед нами не политическая безграмотность, а своеобразная «логическая» примитивизация и так донельзя упрощенного коминтерновского тезиса о соглашательстве социал-демократии как факторе, облегчившем победу фашизма. Другой коминтерновский тезис о том, что тенденции фашизма обнаруживаются в различных государствах (Испания, Италия, Польша, Литва), хотя и в разной степени, на этом собрании получает еще более причудливое оформление. Тут чувствуется та же механика упрощения: «Вопрос: Почему все страны поддерживают у себя фашизацию?» Ответ: Если им не фашизироваться, то им нельзя существовать».⁹

Расплывчатость формулировки вопроса, редкостная парадоксальность ответа в совокупности выявляют недостаток общей культуры участников диалога, не умеющих ясно и без импровизаций изложить прочитанное в брошюрах и услышанное на лекциях. Догматическая трактовка причин «фашизации» (а ее и придерживается отвечающий) предполагает, что установление фашистских диктатур есть попытка правящих классов разгромить рабочее и социалистическое движение – только не «мирными» средствами буржуазной демократии, которые оказываются неэффективными, а грубыми методами, основанными на насилии и жестоком подавлении прав и свобод личности. Сравните этот тезис и его переложение Давыдовым («если им не фашизироваться, то им нельзя существовать»), и будет отчетливо видна схема перевода политических понятий на повседневный язык, характерный для неполицированного мышления.

Наиболее типично для ответов использование различных слов-штампов и даже целых блоков клише для объяснения политических реалий. Они «встраиваются» в речь и являются доминантой, опре-

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

деляющей ее последовательность, причем заметно, что использование одного клише ассоциативно создает цепочку других клише вследствие того, что они тесно связаны между собой в системе целостной коммунистической догматики. Выбор клише в известной мере определяется заданным вопросом, но нередко отвечающий своеобразно «доставляет» его, порой сугубо экзотично и неумело. Таков диалог коммуниста Демшина с одним из участников собрания:

«...Если ты не знаешь, как говорил в своей биографии, кто отец по классу, так можешь и не различить классовое лицо вообще сейчас?

...В этом я разбираюсь.

...Какая разница между кулаком и твердозаданцем?

...Твердозаданцем является тот, у кого еще не созрело лицо кулака».¹⁰

Импульсом для перехода на политический жаргон стал вопрос об «отце по классу». Безграмотное выражение не поставило в тупик Демшина, как и более распространенное в агитпроп-литературе замечание о «классовом лице». Он понимает вопрос и может на него ответить, но при этом придерживается его канвы и лексики. По тому, как он это делает, заметно, сколь мал у него запас политических формул. Эта бедность его политического словаря сказывается и в его последующих ответах:

«— В чем в основном заключается закон собственности?

— В охране собственности.

— В чем заключается классовая борьба?

— В том, что мы должны искоренить кулака».¹¹

Он занимался в партийной школе и даже счел нужным отметить, что «в этом году проходили историю партии».¹² Вот, однако, каков уровень его политической образованности. В воспринятой фрагментарно марксистской теории он вычленил наиболее простой, но, видимо, самый понятный ему тезис, оформленный столь знакомыми ему «агитками» времен коллективизации. Классовую борьбу он сводит исключительно к схватке с кулачеством — т. е. к тому, о чем в последние годы он слышал особенно часто. Здесь нет и следов изучения теоретической доктрины. Это сводка последних политических новостей, переданная к тому же скупой, возможно потому, что понята смутно. Заметны те «кальки», по которым он способен сконструировать любую, хотя и однотипный ответ:.

«Социал-демократия является авангардом?

— Буржуазии».¹³

Все просто: коммунисты являются авангардом рабочего класса, социал-демократия — буржуазии. Он даже не чувствует официозной патетики слова «авангард» и механически применяет его к любому классу. И не только он. Коммунист И. Т. Шматов на вопрос: «Что такое партия?» почти автоматически ответил: «Передовой авангард рабочего класса»,¹⁴

¹⁰ Там же. Л. 3 об.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 17 об.

даже не поинтересовавшись и не уточнив, о какой партии идет речь – буржуазной, фашистской, коммунистической или социал-демократической. В таком автоматизме все прочно заученное, огрубленное, предельно краткое, сведенное к словам-штампам, нашло свое адекватное отражение. Этот автоматизм чувствуется и в другом его ответе:

«Вопрос: Кто возглавил правый уклон?»

Ответ: Правый уклон – Бухарин, левый уклон – Троцкий».¹⁵

Воспроизведенное им ассоциативно сочетание двух клише он не способен разорвать, независимо от того, о чем его спрашивали – столь крепко спаяны они в его сознании. А вот и вопрос по новой истории: «Причина гибели Парижской коммуны?»¹⁶ Ответ – «Не было подготовки пролетариата, не были захвачены банки и телефон»¹⁷ – несомненно основан на канонической ленинской версии условий переворота (высказанной в статье «Марксизм и восстание») и упрощенной трактовке событий октября 1917 г., приведенной в тогдашней историко-партийной литературе и здесь еще более примитивизированной. Оговорка о телефоне едва ли случайна – ответ «достаивает» логическую цепочку причин и условий революции современными реалиями; более понятными, более привычными, и не требующими чрезмерной эрудиции. Его отклик на вопрос о том, где возникла Парижская коммуна, – «у нас» – не столь анекдотичен, как кажется: в его сознании могли слиться воедино и Бакинская коммуна (значимый историко-революционный факт, о ней нередко писали в те годы), и Северная коммуна, куда еще совсем недавно входила Новгородская губерния.

Изученные нами ответы коммунистов на вопросы участников партийных собраний, посвященных проведению «чисток» в 1933 г., не могут, конечно, претендовать на то, чтобы всесторонне осветить основные элементы политической культуры членов ВКП(б) в конце «великого перелома». Их необходимо поэтому сверять с другими источниками – личными письмами, автобиографиями, прошениями и жалобами, направляемыми в вышестоящие инстанции, доносами, докладами различных партийных структур, спецсообщениями ОГПУ и НКВД. Вместе с тем, именно рассмотренные нами документы позволяют лучше, чем что-либо иное, определить уровень политической грамотности людей, отнесенных к авангарду советского общества, и, что еще более важно, понять их ценностные ориентации, мировоззренческий кругозор, формы восприятия политических реалий и попытки самостоятельной ориентации в них.

Сделать это исследователю нелегко. Много приходится читать «между строк», по оборванной фразе, скороговорке реконструировать источники и приемы политических медитаций. Разумеется, невозможно в работе, посвященной региональной истории, делать глобальные выводы, касающиеся России в целом, но ряд отмеченных в ней тенденций весьма симптоматичен. Главное, на что сразу обращаешь внимание, –

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Выделено нами.

это крайне низкий уровень политграмотности членов ВКП(б), который естественно было бы соотнести с их культурой в целом. Много говорилось наугад, невпопад и с характерными абберациями имен, названий и событий, показывающими, что коммунисты больше слушали, чем читали, и не всегда отчетливо воспринимали услышанное. Это явление, так огорчавшее агитпропработников, стоит, однако, признать закономерным для эпохи «штурма и натиска» 1930-х гг., когда перед людьми, случайно оказавшимися в водовороте истории, ставилось слишком много задач. Перед нами неопиты коммунизма – мало интересующиеся его прошлым, не способные разобраться в его настоящем и оценить его принципы и формулы, не готовые признать его заблуждения – но, как и положено неопитам, самостоятельно или под руководством других прокладывающие путь к светлому будущему и не останавливающиеся перед препятствиями на этом пути.